

Леонид Гроссман

ПУШКИН

**БЛЕСТЯЩЕЕ ЗНАНИЕ ЭПОХИ, ЯРКИЙ ЖИВОЙ ЯЗЫК
И ЗАПОМИНАЮЩАЯСЯ ГАЛЕРЕЯ ОБРАЗОВ СДЕЛАЛИ
ЭТУ КНИГУ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ЧИТАЕМЫХ
И ПОПУЛЯРНЫХ**

Леонид Гроссман

Пушкин

«Издательство АСТ»

2011

Гроссман Л. П.

Пушкин / Л. П. Гроссман — «Издательство АСТ», 2011

Л. П. Гроссман (1888–1965) – известный писатель, литературовед и искусствовед, автор более трехсот изданных печатных работ. Особое место в его исследовательской деятельности занимает изучение жизни и творчества А. С. Пушкина, результатом чего явилась неоднократно издававшаяся биографическая книга «Пушкин».

© Гроссман Л. П., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	11
III	15
IV	24
V	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Леонид Петрович Гроссман Пушкин

Часть первая

I

«РОД ПУШКИНЫХ МЯТЕЖНЫЙ»

1

Если с главных проездов современной Москвы мы свернем в боковую сеть переулков, извивающихся вдоль Екатерининского парка, перед нами раскроется живописный участок одной старинной городской усадьбы.

В наши дни сюда уже решительно шагнул новый город. Здесь со звоном проходит трамвай, проносятся машины, высятся многоэтажные корпуса. И лишь местами уцелевшие густые сады за деревянными домиками напоминают о том, что перед нами особая, «допушкинская» Москва, еще не изученная ни исследователями поэта, ни историками великого города, но все же связанная с биографией Пушкина и представляющая поэтому несомненное историческое значение.

На месте этих оживленных улиц раскинулось при Петре Великом большое земельное владение, каких было немало в древнем московском посаде. Оно тянулось от Божedomки к Самотеке по теперешней Делегатской улице с прилегающими к ней многочисленными переулками и спусками.

Это боярское урочище перешло в 1718 году по наследству от дальнего бобыля-родственника к преображенскому лейб-гвардейцу Александру Петровичу Пушкину (прадеду поэта). В середине XVIII века этим обширным угодьем уже владел его сын, офицер гвардейской артиллерии Лев Александрович Пушкин, «человек пылкий и жестокий», как отзывался о нем его знаменитый внук.

Своим крутым и властным нравом этот елизаветинский капрал преемственно продолжал суровое племя своих исторических предков. В боковых линиях рода Пушкиных исстари выделялись стойкие и волевые деятели, нередко занимавшие видные государственные посты. Их родоначальник, правнук легендарного Радши, древнерусский витязь Гаврило Олексич был сподвижником Александра Невского в его победе над шведами 15 июля 1240 года. Правнук этого участника Невской битвы носил имя Григория Пушки. Двое из его сыновей стали называться Пушкиными.

Героическое начало этой родословной предопределило всю ее позднейшую историю. На протяжении нескольких столетий представители рода Пушкиных неизменно проявляли смелость, энергию, творческую одаренность в различных областях русской жизни. Они отличались в Куликовской битве, в сражениях Ивана Грозного, участвовали в походах на крымцев, шведов и турок, обороняли Москву от польского королевича, заседали в Земском соборе 1642 года, служили воеводами в передовых полках, наместниками, послами. Их выдающимися дипломатическими дарованиями объясняется поручение им переговоров с такими историческими фигурами, как Стефан Баторий, Антоний Поссевин или Густав Адольф. Среди русских государственных деятелей XVII века прославился знаменитый боярин Григорий Гаврилович Пуш-

кин, блестяще разрешавший важнейшие международные вопросы в Швеции и Польше, где он полномочно представлял Москву. Ему в высокой степени было свойственно твердое умение отстаивать честь и достоинство своей страны. Именно он убедил польского короля Яна Казимира сжечь на площади все порочащие Россию книги и «постановил с ним договор» о суровом наказании сочинителей антирусских памфлетов.

Но, несмотря на свои заслуги перед государством, потомки Григория Пушки не принадлежали к высшей феодальной знати. Не обладавшие титулами и не возводившие своей генеалогии к Рюрику, они стояли ближе к сословию служилых людей, чем к горделивым «наследникам варяга». В рядах боярства Московской Руси они оставались обычно в стороне от именитой знати, сохраняя в силу этого некоторую независимость. Во время опричнины Пушкины принадлежали к людям земским и были в опале у Грозного почти до конца его царствования. При Борисе Годунове они перешли на сторону недовольных, от имени которых обращался к московскому народу Гаврила Григорьевич Пушкин. Через триста лет гениальный потомок этого воина и дипломата увековечит его имя в исторической трагедии и сравнит в своих письмах фигуру этого властного политика с образами проконсулов Национального конвента.

Но оппозиционный дух, свойственный членам этой семьи, подчас отбрасывал их в сторону от передовых движений времени. В эпоху петровских реформ Пушкины оказываются в русле обратного и губительного течения – «хованщины». Они втягиваются в орбиту стрелецких и староверческих кругов, объединившихся для борьбы с нетерпимыми для них новшествами. Представитель передовой фамилии примыкает к реакционному заговору, направленному против попыток Петра цивилизовать современную ему Россию.

Но на этот раз споры с властью заканчиваются для представителей своенравного рода трагически. Сын видного и властного приверженца «последней Руси», то есть боярской старины, Матвея Пушкина, молодой стольник Федор был казнен 4 марта 1697 года вместе с двумя другими заговорщиками – стрелецким полковником Циклером и старовером окольным Алексеем Соковниным. На полстолетия имя представителей «неукротимой» фамилии сходит с памятных страниц российской истории.

Эта смутная пора в родовой летописи Пушкина особенно волновала его воображение. В одном из своих интереснейших замыслов он намеревался показать стрелецкие бунты сквозь образы семейной хроники Пушкиных. Целый ряд неосуществленных планов свидетельствует, как настойчиво привлекала поэта-историка эта политическая трагедия XVII века, воплощенная позже двумя другими русскими гениями – Мусоргским и Суриковым.

Только в середине XVIII века имя Пушкиных снова приобретает политическую известность. Дед поэта прославился своим противодействием знаменитому дворцовому перевороту 1762 года. В день, когда Екатерине II принесли присягу гвардейские полки, Сенат, Синод, петербургский гарнизон, все население столицы и даже морские силы Кронштадта, командир бомбардирской роты Лев Пушкин пытался удержать преобразенцев на стороне Петра III. Попытка оказалась неудачной. Через несколько дней свергнутый император, охрана которого была поручена знаменитому кулачному бойцу Алексею Орлову, скоропостижно скончался «от преежестокости колики», а гвардейский артиллерист Пушкин был признан государственным преступником и заключен в крепостной каземат.

Это памятное событие ввело его имя в историю. В старинных иностранных описаниях «русской революции 1762 года» упоминается своенравный майор гвардии Пушкин. Внук-поэт хранил эти исторические сочинения в своей библиотеке, ссылаясь на них в своих записях и прославил звучной строфой незаметного участника громкого династического кризиса:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался

Паденью третьего Петра.

Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Верность сумасбродному и слабоумному Петру III, заслужившему печальную память своим беспримерным низкопоклонством перед Фридрихом Прусским, не была историческим подвигом. Но знаменитая строфа «Моей родословной» интересна своим достоверным изображением дальнейшей судьбы дома Пушкиных. Политическая кара, обрушившаяся на представителя фамилии, явилась не только личным поражением, но знаменовала и весьма тягостный удар по младшей ветви пушкинского рода. Разгневанной Екатерине суждено было царствовать до самого конца XVIII века, а семейству строптивого Льва Пушкина незаметно нисходить к обычному среднему состоянию, далекому от государственных дел и придворных отличий. В поколениях семьи сохранилась неприязнь к императрице-узурпаторше и установился некоторый культ верного своей присяге Льва Александровича: чертами его политической биографии не без сочувствия отмечены деятели 1762 года в «Дубровском» и «Капитанской дочке».

Личная жизнь этого стойкого гвардейца была столь же драматична, как и его служебная карьера. «Первая жена его, – рассказывает в своей автобиографии Пушкин, – урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе».

Этот потрясающий случай лишь отчасти подтверждается сохранившимися документами. Казнь гувернера сводится, по старинному формуляру Льва Пушкина, лишь к «непорядочным побоям», нанесенным им «венетианину Харлампию Меркадию». Рассказ о мученической смерти первой жены Льва Александровича не поддается проверке; нам известно лишь, что в молодости он действительно женился на Марии Матвеевне Воейковой, от которой имел трех сыновей. Скончалась она в пятидесятых годах, накануне крушения военной карьеры своего мужа.

Придворный переворот не сразу отразился на материальном благосостоянии Пушкиных. Льву Александровичу принадлежали крупные наследственные владения – ряд деревень и пустошей, большие участки земли в Москве по Божedomке и Самоотеке и нижегородская вотчина – село Болдино – «под большим мордовским черным лесом». Это значительное родовое имущество Лев Пушкин сохранил и после постигшей его невзгоды. Вскоре после освобождения из крепости он женился вторым браком на дочери гвардейского полковника Ольге Васильевне Чичериной, род которой восходил к одному из телохранителей невесты Ивана III Софии Палеолог.

Знатности соответствовало и состояние. Вместе с поместьями и крепостными Лев Александрович получил в приданое еще изрядное количество драгоценностей и «мягкой рухляди» (как называли в то время дорогие меха). Неудивительно, что бабушка знаменитого поэта ездила в гости, по его известному рассказу, «вся разряженная и в бриллиантах» и даже в таком убранстве однажды родила. Произошло ли это в карете, как о том повествуют семейные предания, установить теперь трудно, но совершенно точно известно, что Ольга Васильевна принесла своему мужу четверых детей: двух дочерей и двух сыновей – Василия и Сергея, имена которых вошли в историю русской литературы.

2

Новая семья создавалась в трудное время. В селе Болдине, где, по преданию, самовластный помещик собирался «весьма феодально» вздернуть на ворота усадьбы гувернера, появились в 1773 году передовые разъезды Пугачева, требовавшие виселиц для самих феодалов. Движение, уже сдавленное с флангов, не могло здесь развернуться, и масса восставших вскоре отхлынула. Тогда-то по всей Нижегородской губернии появились виселицы, «колеса и глаголи» для устрашения недовольных и подавления новых вспышек. Орудия казни были поставлены местными властями и в Болдине «за преклонность крестьян к приехавшим злодеям и за просьбу тех злодеев, чтоб приказчика повесить».

Долгие годы сохранялись в семействе Пушкиных и передавались младшему поколению предания о могучих предках, принимавших участие в бурных событиях отечественного прошлого и неизменно отличавшихся «в войске и совете».

Но сыновья Льва Пушкина избрали для своей деятельности иное поприще. В их лице старинный род воинов и наместников впервые обращается к искусству. Фрондирующая оппозиция Екатерине и «новым» людям, пришедшим на смену Пушкиным служить государству после 1762 года, обращает энергию молодых представителей фамилии к чисто культурным и творческим начинаниям. Записанные с детства в гвардию, они не испытывают никакого желания служить и отличаться в походах и сражениях. Их привлекают иные битвы и победы – в поэтических кружках, в литературных салонах, на любительских сценах. Это стихотворцы, чтецы, импровизаторы, остроумные собеседники, актеры и режиссеры домашних спектаклей. Это прежде всего «любословы», как называли тогда таких вольных артистов речи, распространивших в пробуждающемся русском обществе новые формы европейской поэзии.

Стихотворное искусство очень рано стало излюбленным занятием молодых Пушкиных. Василий Львович понемногу превратился в настоящего литератора, неизменно причастного к виднейшим изданиям и знаменитым журнальным битвам своей эпохи. Младший брат, Сергей Львович, до глубокой старости писал стихи, всю жизнь сохраняя, однако, позицию бескорыстного служителя муз, равнодушного к печати и славе. Ни один из них не проявил высоких дарований, но оба создали вокруг себя ту атмосферу тонкой словесной культуры, которая могла послужить превосходной воспитательной средой юному поэтическому гению.

Биографическая традиция без достаточного основания изображает старших Пушкиных закоренелыми галломанами. Внимательное изучение вопроса приводит к заключению, что полученное ими французское воспитание несколько не сделало их чужеземцами в родной стране. Напротив того, они стали видными представителями передовой дворянской интеллигенции на рубеже двух столетий, заметными участниками московской общественной жизни, превыше всего дорожившими развитием своей родной литературы. Иронически относившийся к ним П. В. Анненков должен был все же признать, что «никто больше их не ревновал и не хлопотал о русской образованности»; мы действительно находим этому немало подтверждений в мемуарных свидетельствах эпохи.

Родовые москвичи Василий и Сергей Пушкины росли в оживленной литературной атмосфере Москвы восьмидесятых годов XVIII века. Это было так называемое «новиковское» десятилетие с беспримерным расцветом русского книжного дела, журналистики, философских лекций и вольных кружков. «Дружеское ученое общество» и «Топографическая компания» бурно оживили молодую русскую культуру. Борьба с жестокостями крепостного строя, с невежеством помещного дворянства, с внешней цивилизацией столичного барства, проникнутого низкопоклонством перед Францией и пренебрежением ко всему отечественному, привела выдающегося публициста к смелой и новой постановке темы родины и свободы. Новиков открывал своим читателям ценности старорусской образованности, живые предания национальной исто-

рии и одновременно звал к всеобщему разумному воспитанию для выработки независимой и сильной личности нового гражданина. Как все великие просветители, он стремился широко развернуть новейшую, освободительную литературу для коренной перестройки рабовладельческого общества. Нападая на придворную знать и «титлоносных» аристократов, он обращался к людям третьего сословия, приближая к ним и низшее обедневшее дворянство. «В лице Новикова неслужащий русский дворянин едва ли не впервые выходил на службу Отечеству с пером и книгой, как его предки выходили с конем и мечом», – выразительно писал В. О. Ключевский. В своих изданиях неутомимый публицист освещает в передовом духе великие мировые события и смело откликается на борьбу народов за республиканскую свободу. «Покоящийся Трудолюбец» развертывает гневную критику крепостного барства, уже предвещающую сатиру Грибоедова.

По этим столбцам и страницам, проникающим и на старую Самотеку, в усадьбу Льва Пушкина, знакомится с жизнью и современностью подрастающее поколение. Дух просвещения, политического равноправия, освободительной идеологии незаметно воспитывает и молодых Пушкиных. Отсюда независимость их убеждений и деятельности, полное безразличие к «завидной» придворной карьере, исключительная преданность искусству и его передовым запросам. В литературных кругах Москвы они привыкли почитать имя Новикова и отвращаться от официозных идеологов. Вот почему Чернышевский с его обычной зоркостью и причислил Василия Львовича к ранним русским просветителям. В рядах культурного слоя России, выдвигавшего в то время полезных общественных деятелей, занимают свое скромное место отец и дядя А. С. Пушкина. В барской Москве XVIII века, где кипели пьяные пиры, где насмерть сражались кулачные бойцы, где кровавые гусиные и петушьи состязания развлекали скучающих тунеядцев, – в этой разгульной и жестокой дворянской столице сыновья самовластного помещика-самодура полюбили исключительно литературу и решили отдать ей свою жизнь.

3

Новиковскую Москву сменяет радищевский Петербург. Верные семейным традициям, братья Пушкины на исходе юности вступают в гвардию. Они оказались довольно нерадивыми офицерами, но зато оба вступили в литературный мир столицы. Новая глава их официальной карьеры отмечала и важный этап их культурного роста.

В атмосфере радищевских идей слагалась передовая петербургская журналистика конца XVIII века. Опыты Василия Львовича печатались в изданиях Крылова и А. И. Клушина; оба издателя входили в кружок известного вольнодумца И. Г. Рахманинова, близкого к Радищеву.

«Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» были первыми органами «людей третьего чина», как называли в XVIII веке ранних разночинцев, отстаивавших в противовес галломанствующей аристократии идеи самобытной национальной культуры. Такая программа, уже наметившаяся в новиковской Москве, определит и литературную позицию братьев Пушкиных. Возросшие на классицизме, они переживают на исходе своей юности некоторую революцию стиля:

Во вкусе час настал великих перемен:
Явились Карамзин и Дмитрев-Лафонтен!

– писал Василий Львович в своем послании к Жуковскому.

В возникших и разразившихся затем двадцатилетних литературных битвах за выразительную речь и обновленный стих братья Пушкины остались непоколебимыми приверженцами реформы слога.

Одним из их первых знакомых был здесь друг и родственник Карамзина, ближайший его сотрудник в борьбе за новый слог, молодой семеновский офицер Дмитриев, баснописец и песенник. Особенным успехом пользовался его шуточный рассказ в стихах «Модная жена». При всей легкости сюжета эта повесть свидетельствовала о новом литературном направлении: главное в поэзии не вдохновенное парение или восторженная беспорядочность, а точность выражения, чувство меры, изящество формы, художественный вкус. Эти начала и легли в основу поэтики наших молодых стихотворцев.

Через Дмитриева они познакомились с Державиным, Богдановичем, переводчиком Апулея и Оссиана Е. И. Костровым, замечательным знатоком искусств и древностей А. Н. Олениным. Все это, несомненно, расширяет их кругозор и повышает поэтическую культуру.

Это были годы, когда правительственная реакция, напуганная французской революцией, решает дать генеральный бой тому независимому «литераторскому» сословию, которое Пушкин впоследствии признавал русским «средним состоянием» и даже называл «передовой дружиной просвещения». Борьба царской власти с оппозиционной интеллигенцией принимает беспощадный характер. Сама «просвещенная» императрица руководит разгромом нового трудового слоя с его «якобинской» идеологией и писательской профессией. Осенью 1790 года Радищев, приговоренный к отсечению головы за свое «Путешествие из Петербурга в Москву», был сослан в Сибирь. Весною 1792 года брошен в Шлиссельбургскую крепость Новиков, заслуживший, по заявлению Екатерины, «тягчайшую и нещадную казнь». Происходит публичное сожжение трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», герой которой признан республиканцем. Грозный верховный следователь или «кнутобоек» Шешковский лично допрашивает поэта-сенатора Державина о его обращении к библейским царям: «И вы, подобно нам, падете, как с древ увядший лист падет...» Принимаются особые меры против «французской заразы», то есть революционной идеологии, подвергаются разгрому издательства, закрываются типографии. Неосторожные книгопродавцы поставлены под угрозу кнута, плетей, каторги и вырывания ноздрей.

Но, несмотря на такой беспримерный разгром печати, братья Пушкины остаются в литературной среде и, каждый по-своему, «культивируют поэзию»: старший в качестве профессионала-литератора, младший – как любитель-дилетант.

В середине девяностых годов устраивается и личная судьба Сергея Львовича.

В Петербурге он посещает свою дальнюю родственницу Марию Алексеевну Ганнибал и знакомится с ее красавицей дочерью Надеждой Осиповной. Девушка отличалась своеобразной красотой – несколько удлиненный разрез глаз, орлиный профиль, легкая смугловатость кожи. Прозвище «прекрасная креолка» было присвоено Надежде Осиповне как некий постоянный эпитет, хотя и без достаточного основания: креолами назывались потомки европейцев, рожденные в колониях. Надежда Осиповна никогда не скрывала, что она внучка абиссинца, а ее утонченная внешность носила еле уловимые следы этого происхождения.

Сергей Львович был, видимо, увлечен с первого взгляда и вскоре предложил этой девушке с наружностью квартиранки и фамилией африканского завоевателя разделить с ним жизненный путь.

II ИНЖЕНЕРЫ И МОРЕХОДЫ

Брак Сергея Львовича, с точки зрения его родных, был малоподходящим. Надежда Осиповна не была богата, над репутацией ее семьи тяготела память о скандальном процессе двоеженца-отца, род Ганнибалов не отличался ни древностью, ни знатностью. Питомцы петровской школы, деятели императорского периода русской истории, они были известны в России XVIII века как военные инженеры, руководители работ по обороне государства, артиллеристы и полководцы. Это были строители крепостей на дальних окраинах и водители флотов под южными широтами. Такой активностью определялись их тревожные и авантюрные биографии: когда Пушкины оказывались виновными перед правительством, их заключали в казематы; Ганнибалов в таких случаях сажали на военные корабли и отправляли воевать в Средиземное море. И они выполняли приказы и добывали трофеи, ибо были людьми напряженного и стремительного действия. Это были крупные и своеобразные личности, наделенные большой энергией и сильными страстями, умевшие строить свою жизнь, бороться с противными течениями и побеждать обстоятельства. Эти люди с властными характерами и героическими судьбами не оставили своих записок потомству, но они завещали свои исторические образы, как драгоценное достояние, будущему правнуку-поэту.

Дед Надежды Осиповны, абиссинец Ибрагим, ставший в России генерал-аншефом Абрамом Петровичем Ганнибалом, прожил жизнь, беспримерную по фантастическим переломам и счастливой игре случайностей. Судьба бросала его с африканских плоскогорий в забайкальские степи, с побережий Босфора в Москву, из новорожденного Петербурга во французские военные академии, из пышного Парижа Людовика XIV на театр войны. Он успел проявить себя как царский секретарь, как участник знаменитых сражений, как военный математик, придворный педагог, строитель крепостей и директор каналов. Его выдающийся ум, познания и общая одаренность не подлежат сомнению.

Начало его жизни окутано легендой. Из документов елизаветинской герольдии явствует, что Ибрагим родился в северной Абиссинии, где отец его владел двумя или тремя городами на правом берегу Мареба, на границе между Хамасеном и Сараэ, в Логоне.

В конце XVII века северо-восток Африки стал ареной усобиц с Турцией, которая вывозила в Константинополь военные трофеи, добычу, пленников, рабынь и заложников. Таким «аманатом» оказался и маленький африканец из Логона. С моментом его увоза связана поэтическая легенда о том, как старшая сестра Ибрагима, девочка Лагань, долго плыла за кораблем, увозившим ее любимого брата, и погибла в морской пучине.

Эпоха Возрождения возобновила античную моду на чернокожих слуг. Обычай этот из европейских дворов перешел в XVII веке в Россию. Арапы прислуживали обычно и Петру. На одном гравюрном портрете 1704 года он весьма декоративно изображен рядом с юным негром, охраняющим императорские регалии. Около 1706 года русский резидент при турецком «диване» получил приказ Петра выслать ему нескольких арапчат для украшения двора. Есть указания, что Ибрагим был выкраден из неприступного султанского сераля при содействии самого визиря.

В 1707 году маленький африканец был доставлен из Стамбула в северную столицу. Отныне он неотлучно состоит при царе и понемногу становится свидетелем крупнейших событий русской и европейской истории. За обнаруженные им «в походах и баталиях» прекрасные способности Петр отправляет юношу во Францию для обучения инженерному делу.

Несмотря на нужду в Париже и тяжелое ранение на войне, Ганнибал проходит курс артиллерийской школы в Меце и возвращается в Петербург профессором математики и фортификации. Он вывез из Парижа в Россию обширную французскую библиотеку в четыреста

томов, составленную из книг не только по его специальности, но также по географии, истории, философии и литературе. В этом книжном собрании имелись сочинения Расина, Корнеля, Сирано де Бержерака, письма Фонтенеля, «Князь» Макиавелли, мемуары Брантома, философские трактаты Мальбранша, «Всемирная история» Боссюэ. Особенно широко были представлены работы по математике и военному делу.

Сам Ганнибал написал книгу об инженерном искусстве и составил мемуары на французском языке. Умирая, он оставил не только поместья, крепостных и формуляр с высокими чинами, но и многотомное книгохранилище, ценное собрание физических и механических инструментов, а главное – благодарную память о своей научной деятельности: известный мемуарист XVIII века Болотов отметил в своих записках «прекрасную геометрию и фортификацию Ганнибала». Это имя, очевидно, приобрело авторитетную репутацию не только в правительственных и военных кругах, но и в среде молодого поколения, стремящегося к знанию.

Жестокая школа жизни, пройденная Ибрагимом, сообщила некоторую суровость его характеру. Это в полной мере сказалось в его семейном быту.

В конце 1730 года в Петербурге Ганнибал встретился с красавицей девушкой, как полагают, гречанкой, дочерью капитана галерного флота Евдокией Андреевной Диопер. Ганнибал попросил ее руки и настоял на браке, несмотря на протесты красавицы. Обвенчавшись в начале 1731 года, он увез жену в маленький порт Пернов (в бухте Рижского залива). Вскоре он обвинил молодую женщину в намерении отравить его и «смертельными побоями и пытками» принудил ее дать об этом официальное показание. Несчастную заключили в тюрьму, а властный абиссинец сошелся с дочерью местного капитана Христиной Региной Шеберг, от которой имел нескольких детей. Когда пришла пора отдавать их в учение, Ганнибал обвенчался с Христиной и, пользуясь своими связями, добился убийственного приговора для первой жены, все еще томившейся в заключении: «Гонять прелюбодеицу по городу лозами, а прогнавши, отослать на прядильный двор на работу вечно». Пожизненное заключение ее могло бы узаконить второй брак Ганнибала. Но Евдокии Андреевне каким-то чудом удается вырваться в Петербург и подать челобитную в Синод. Ее освобождают на поруки, а дело поступает на новое рассмотрение. Затравленная женщина, живя в Петербурге, сходится с подмастерьем Академии наук и рождает дочь Агриппину; она послужила источником легенды о белом ребенке, рожденном женою Ибрагима, за что преступная мать была замучена в монастыре, – предание, волновавшее творческое воображение правнука. «Часто думал я об этом ужасном семейственном романе», – писал Пушкин в наброске предисловия к «Арапу Петра Великого».

Появление ребенка дает Ганнибалу основание ходатайствовать перед петербургской консисторией, чтобы «она прелюбодеица долее не называлась его женой». 9 сентября 1753 года Евдокия была признана разведенной со своим мужем и осуждена на заточение в дальний монастырь, где и скончалась. Сам Ганнибал отделался епитимией и денежным штрафом за двоеженство; брак его с Христиной Шеберг был утвержден.

Такой благоприятный для него исход процесс объясняется тем, что в царствование Елизаветы Петровны любимец ее отца вошел в силу, пользовался большим влиянием и был щедро обласкан императрицей. Он получил звание генерал-майора, должность ревельского коменданта, пятьсот душ в Псковской губернии Опочецкого уезда, в «Михайловской губе», где его потомство долгое время хранило родовые земли и память о «прадеде-арапе».

С окончанием бракоразводного процесса сыновья Ганнибала получили, наконец, возможность поступить в дворянские корпуса и служить в гвардии и флоте. Старший – Иван Абрамович – стал историческим героем и заслужил от своего внучатного племянника хвалебный стих: «Вот Наваринский Ганнибал!» В 1770 году, после большой десантной операции и пятнадцатидневной осады, Иван Ганнибал взял в архипелаге крепость Наварин. Во время битвы в Хиосском заливе, 24 июня 1770 года, он командовал артиллерией эскадры и взорвал

весь турецкий флот, укрывшийся в Чесменской бухте. Вскоре он доказал, что может не только истреблять фрегаты, но и сооружать цитадели. В 1778 году ему было поручено построить крепость Херсон на месте устаревшего небольшого укрепления Александр-Шанца. Через три года на месте глухой «фортеции» аннинского времени раскинулся большой город с военной гаванью, адмиралтейством, верфью и арсеналом.

Но далеко не всем Ганнибалам удалось проявить такую героическую активность. Младший брат победоносного «бригадира», получивший от отца имя Януарий, а от матери – Иосиф, вошел в историю лишь в качестве родного деда знаменитого поэта.

Этот Иосиф-Януарий, или в просторечии Осип Абрамович Ганнибал, отличался пылким и своенравным характером. Его считали «сорвиголовой» и «ужасом семьи». В 1773 году в чине майора морской артиллерии он был послан в Липецк осмотреть чугунные заводы, устроенные Петром I для отливки пушек Черноморскому флоту. В двух десятках верст от Липецка находилось село Покровское, имение капитана в отставке Алексея Федоровича Пушкина и его жены Софьи Юрьевны, рожденной Ржевской. Осип Абрамович стал бывать у покровских помещиков, посватался к их восемнадцатилетней дочери Марии Алексеевне и вскоре женился на ней.

Ярославское имение новобрачной пошло целиком на уплату долгов мужа, после чего Марии Алексеевне пришлось добиваться примирения своего грозного свекра с его блудным сыном. Вскоре молодые поселились в поместье Абрама Петровича, на мызе Суйде, под Петербургом. В 1775 году у них родилась дочь Надежда. Осип Абрамович надолго уезжал из дома, нисколько не заботясь о семье; молодой матери приходилось всячески влиять на супруга. Он решил сразу положить конец докучным домогательствам и навсегда оставил Суйду, увезя с собой в виде меры воздействия крошечную Надю. Затея удалась: Мария Алексеевна пошла на все уступки, лишь бы возвратить ребенка.

Сохранилось ее письмо к мужу. Впоследствии поэт Дельвиг восхищался живым русским языком писем Марии Алексеевны; об этом свидетельствует и приводимое нами письмо. Но еще более волнует оно той глубокой драмой, которая с такой сдержанной простотой выражена в нем.

«Государь мой, Осип Абрамович!

Несчастливые как мои, так и Ваши обстоятельства принудили меня сим с Вами изъясниться: когда уже нелюбовь Ваша ко мне так увеличилась, что Вы жить со мною не желаете, то уже я решилась более Вам своею особою тягости не делать, а расстаться навек и Вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтобы дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим. Что же касается до содержания как для нашей дочери, так и для меня – от Вас и от наследников Ваших ничего никак требовать не буду и с тем остаюсь с достойным для Вас почтением Ваша, государь мой, покорная служница Мария Ганнибалова».

Получив нужную гарантию, Осип Абрамович с готовностью возвратил дочь при весьма колком письме, в котором желал жене пользоваться «златою вольностью»; «...а я, – заканчивал он свое послание, – в последние называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал».

Действительно, к семье своей он больше не вернулся. Отношения с женой Осип Абрамович считал настолько конченными, что в 1779 году снова женился на вдове Устинье Толстой, представив духовным властям «своеручное» письмо, свидетельствующее о его вдовстве. Мария Алексеевна в это время благополучно здравствовала в Москве. Узнав о своей «смерти» и о новой женитьбе мужа, она направила в соответственные инстанции документы, изобличившие «вдового» Ганнибала в двоеженстве. Незаконный брак был расторгнут, а двоеженец послан на кораблях в Северное море. Четвертая часть его недвижимого имущества назначалась «на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери». С этой целью у него была отобрабана деревня Кобрино Софийского уезда Петербургской губернии, где Мария Алексеевна и посе-

лилась с подрастающей дочерью. Шурин ее, владелец соседнего поместья Суйды, чесменский герой Иван Абрамович Ганнибал, оберегал интересы своей крестницы.

Горестный опыт неудачного брака со всеми его тягостными материальными последствиями развил в Марии Алексеевне предусмотрительность, осторожность, практическое чутье и хозяйственные способности. В управлении своим скромным поместьем она тщательно наблюдала, «чтобы ни одна сила не пропадала даром». Только такая неусыпная энергия дала возможность Марии Алексеевне собрать средства для приобретения собственного домика в Петербурге, в Преображенском полку, где с середины восьмидесятых годов она живет с дочерью.

Надежда Осиповна получает первоклассное, по воззрениям того времени, светское воспитание. Она овладела в совершенстве французским языком и приобрела репутацию достойной ученицы мадам де Севинье в искусстве дружеского письма. Сохранившаяся корреспонденция Надежды Осиповны действительно свидетельствует о живости и литературности ее эпистолярного стиля.

Неудивительно, что молодой поэт-гвардеец Сергей Пушкин произвел на эту образованную девушку наилучшее впечатление. Летом 1796 года он уже был ее женихом, а в конце сентября в родовом владении невесты, в деревянной церковке мызы Суйды, они были обвенчаны. Никто из присутствующих не догадывался, что на их глазах слагается семья, которой суждено получить неумирающее значение не только в роду исторических Пушкиных, но и во всей истории мировой поэзии.

III РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

1

Вскоре после венчания молодых Пушкиных произошло крупное событие – смерть Екатерины II. Утром 5 ноября императрицу разбил апоплексический удар, а к концу следующего дня она скончалась. В ночь на 7 ноября Сергей Львович с братом, срочно вызванные в измайловские казармы, принесли присягу на верность новому царю.

Наутро Пушкины стояли на вахтпараде у своих частей в новом одеянии гатчинского «модельного войска», форма которого при Екатерине была строжайше запрещена к ношению. Туго затянутые в мундиры и узкие штиблеты, в перчатках с раструбами брата Пушкины салютовали новому императору. Маленький бледный человек с лицом, напоминавшим маску смерти, впервые гарцевал перед своими оцепенелыми полками. Всем была известна его угроза править «железною лозою».

Тревожное и сумасбродное царствование вскоре в полной мере сказалось на личной жизни молодых супругов. В течение целых пяти лет, до самой смерти Павла I, Пушкины никак не могут прочно где-либо обосноваться и не перестают переезжать из одной столицы в другую. Только в начале 1798 года Сергей Львович подает в отставку и вслед за старшим братом уезжает в родную Москву.

Пушкины поселяются в Немецкой слободе. По своему благоустройству это был в те времена лучший квартал города, заселенный иностранцами, вельможами и учеными. Здесь жили семьи знакомых и приятелей Пушкиных: известного библиофила Бутурлина, видного ученого публикатора Мусина-Пушкина (издавшего «Русскую правду» и «Слово о полку Игореве»), Воронцовых, Разумовских, Булгаковых и других представителей московского общества, к которому с детства принадлежал Сергей Львович и с мнением которого он всемерно считался. Нам поэтому представляется сомнительным, чтобы в мае 1799 года, накануне родов Надежды Осиповны, семья Пушкиных перебралась в домишко с провалившейся крышей, ветхий и полуразрушенный, где, согласно довольно распространенной версии, родился великий поэт. Все, что мы можем утверждать об этом, сводится к очень немногим данным. В Москве на Немецкой улице (ныне улица Баумана), в части, примыкающей к Елоховой, в никому не известном, давно снесенном строении, в четверг 26 мая 1799 года у Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных родился сын. Ему дали звучное историческое имя – Александр.

Он появился на свет в тяжелую и смутную эпоху. Год рождения Пушкина был богат большими политическими событиями. В 1799 году эскадра адмирала Ушакова победоносно огибает Ионические острова и берет неприступный Корфу. В этом же году русская армия с легендарным Суворовым во главе одерживает блестящие победы при Адде, Треббии, Нови и совершает беспрецедентный переход по обледелым кручам Сен-Готарда, спасая от окружения войска Римского-Корсакова по ту сторону Альп. Наконец 9 ноября 1799 года генерал Бонапарт свергает Директорию и становится полновластным повелителем Франции. Царизм упорно продолжает начатую Екатериной политику удушения революции, но русский народ уже проявляет на далеких полях сражений свою неустранимость перед величайшей опасностью и непобедимость в исторических битвах, руководимых гением его вождей. Все это на исходе столетия уже возвещает стремительный ход мировой истории в ближайшие десятилетия XIX века, когда судьбы наполеоновской Европы будут решены в Москве.

Крепостные нянюшки окружали колыбель младенца. Одна из них, нянчившая его сестру Ольгу, обратила на себя внимание Пушкиных своим метким языком. Ее образные словечки навсегда остались в преданиях семьи, а замечательный дар народной сказочницы определил ей службу при детях. Крепостную няню звали Ариной Родионовной.

Это была сорокалетняя женщина, хорошо помнившая времена чесменской победы и пугачевского восстания. Она родилась 10 апреля 1758 года в вотчине графов Апраксиных – мызе Суйде, то есть в старинной Ижорской земле, захваченной в XVII веке шведами, но снова отвоеванной Петром. Этот многострадальный край хранил кровавые воспоминания о вековой борьбе за берега Балтийского моря и запомнил отголоски старинных битв в устной поэзии новгородцев, финнов и великорусских крестьян, переселенных сюда в начале XVIII века.

В этой среде и родилась крепостная девка Арина. Годовалым младенцем она стала «рабыней» знаменитого генерал-аншефа Абрама Петровича Ганнибала и оставалась его собственностью в течение двадцати двух лет, то есть до самой его кончины в 1781 году. Она хорошо помнила своего грозного барина и могла многое рассказать о «царском арапе» по своим личным впечатлениям от его необычайной фигуры и неукротимого нрава.

От знаменитого питомца Петра Великого молодая песельница перешла по наследству к его третьему сыну – Осипу Абрамовичу Ганнибалу, имение которого уже в 1784 году было предоставлено правительством покинутой им семье – Марье Алексеевне Ганнибал с малолетней дочерью Надеждой. А через тринадцать лет овдовевшая «крестьянская женка» Арина Родионовна становится нянькой в семье своей бывшей барышни, где ей и суждено было навсегда обессмертить «дивным даром песен» свое безвестное имя.

Вскоре после рождения сына Пушкины уезжают на некоторое время в село Михайловское к Осипу Абрамовичу Ганнибалу, а оттуда в Петербург, где они пробыли около года.

Павловский режим шел полным ходом к своей гибели. Охваченный манией борьбы с революцией, Павел I продолжал утверждать свое «царство ужаса»: полновластно действовала тайная полиция, цензура беспощадно душила печать, частные типографии были закрыты, литература замерла.

Неумолимый и мелочный этикет совершенно сковал жизнь Петербурга. Во дворце мужчины и женщины одинаково преклоняли перед императором колени и целовали ему руку. На улицах все проезжающие выходили из экипажей и отвешивали поклоны царю. Малейшее нарушение этих правил вызывало грозные гонения и взыскания. Вот почему появление Павла I на улице считалось сигналом к всеобщему исчезновению. Царя приветствовали паническим бегством.

Только таким уличным церемониалом можно объяснить курьезный эпизод ранней биографии Пушкина. Павел I лично сделал выговор его няньке за то, что та не успела при приближении императора вовремя снять головной убор с годовалого ребенка. Случай этот мог бы сойти за анекдот, но в атмосфере павловской регламентации уличных приветствий он становится понятным. Сам Пушкин изложил впоследствии это странное происшествие в своих письмах, придавая ему значение некоторого предвестия своих будущих распрей с царями. Поклонами он действительно не баловал венценосцев до самого конца своей жизни.

2

В начале 1801 года Сергей Львович возвращается в Москву и селится «на Чистом пруде» – между воротами Покровскими и Мясницкими, где Меншикова башня.

Конец павловской эпохи возвещал и возрождение русской литературы. С весны 1801 года вновь раздались голоса поэтов. «Возникли юные блистательные таланты, – писал Греч, – Жуковский, Батюшков, кн. Вяземский, Гнедич». Снова заговорил Крылов; «появились жур-

налы, альманахи, критика и полемика». Братья Пушкины вернулись к своей любимой поэтической деятельности, и у Сергея Львовича открылись литературные вечера.

В эти годы семья часто меняет квартиры, но обычно проживает в том же участке старой Москвы, то есть в Немецкой слободе и Огородниках (где преимущественно селились литераторы и ученые).

С этими северо-восточными кварталами города связано раннее детство Пушкина. Он играл ребенком у Чистых прудов, любовался стриженными кущами юсуповской «Версали», развлекался уличными сценами у Покровских и Мясницких ворот. Многих иностранцев поражал ежегодный весенний праздник освобождения птиц. В этот день московский «серенький люд» – дворовые, крепостные, слуги, крестьяне – толпами устремляется на площади, где каждый покупает клетку с птичкой, чтобы дать пернатой узнице свободу при радостных возгласах окружающей толпы. Есть в этом обычае, замечает один мемуарист, нечто трогательное и одновременно грустное. Это символическое празднество кажется почти оскорблением, нанесенным несчастным людям, пребывающим в состоянии рабства. Пушкин с детства полюбил этот «родной обычай старины», дарующий свободу «хоть одному творению».

Вокруг расстилалась Москва – «большое село с барскими усадьбами», пестрый, разбросанный, людный город с бревенчатыми и вовсе немощеными улицами, с питейными домами, харчевнями и хлебными избами, с колымажными дворами, монастырями, «воксалами» и дворцами.

Маленького Александра водил гулять по городу его дядька – молодой дворовый Пушкиных из болдинских крепостных Никита Тимофеевич Козлов. Он навсегда останется спутником поэта по всем дорогам его жизни и даже будет увековечен впоследствии беглым пушкинским стихом. Незаметно и скромно он займет свое место в ряду близких Пушкину людей, его родных и друзей. Если он и не был стихотворцем (как «импровизировал» вопреки всем источникам Л. Павлищев), он замечательно владел русской речью и широко пользовался ее яркими образами и богатыми сравнениями. Он поразил впоследствии одного из приятелей Пушкина, заявив ему, что барин, живя на даче, показывается в городе лишь на мгновение, «как огонь из огнива». Язык будущего великого организатора русской речи, несомненно, воспринял живую характерность этого картинного народного слога.

Художественное воспитание ребенка Никита выполнял и в своих прогулках с ним по городу. Он впервые познакомил мальчика с пейзажной и архитектурной красотой родной Москвы, не раз воспетой впоследствии в знаменитых строфах.

И ты, Москва, страны родной
Глава, сияющая златом,

– писал Пушкин в набросках к своей последней поэме.

Есть свидетельства о том, что мальчик любил взбираться на колокольню Ивана Великого (она действительно упомянута в его первой поэме). Отсюда расстилался широкий вид на поля и рощи, сторожевые заставы земляного вала, трубы «мануфактур», раскинутых по Китай-городу, Варварке и Мясницкой. Стройно возносились колоннады новых зданий: университета, построенного Казаковым, и «Пашкова дома», воздвигнутого Баженовым (ныне библиотека имени Ленина). Река Неглинная обтекала Кремль. На месте снесенных стен Белого города начинали зеленеть молодые бульвары. Так раскидывалась Москва XVIII века в разноцветной мозаике своих сверкающих крыш, просторная и живописная, трудовая и праздничная – древняя столица государства, великий русский посад, перекресток всех дорог бескрайней родины, «Москва моя!», как воскликнет восхищенно автор «Онегина». Он навсегда запомнил колоритный быт старой столицы с ее знатными чудаками и богатыми проказниками, окру-

женными толпами дворовых, арапов, егерей и скороходов, сопровождавших торжественные выезды своих бар в каретах из кованого серебра.

Такие впечатления молчаливо и сосредоточенно вбирал в себя мальчик Александр, смущавший подчас свою мать некоторой неповоротливостью и задумчивостью. Так складывались скрытые внутренние процессы раннего поэтического мышления. «Страсть к поэзии появилась в нем с первыми понятиями», – свидетельствовал брат Пушкина. Сам поэт не раз отмечал такое раннее пробуждение своего творчества; таковы его стихи о музе: «В младенчестве моем она меня любила...», «И меж пелен оставила свирель...»

И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью...

Пробуждению фантазии ребенка широко способствовало знакомство с увлекательным миром народной сказки.

«...Некоторый царь задумал жениться... Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит тридцать три сына. Царь женился на меньшей...»

Так рассказывает Арина Родионовна.

Она неистощима в своих песнях, побасенках и сказаниях. В молодости крепостная самого арапа, теперь вольноотпущенная, она не пожелала воспользоваться вольной и осталась в семье нянчить маленьких Пушкиных. В родном селе Кобрино, в имениях Ганнибалов, она наслушалась сказок о царе Султানে, о Марье-царевне, о работнике Балде, перехитрившем бесенка. Ее память подлинной сказительницы удержала во всех живописных подробностях песни, пословицы, присказки, поговорки. С глубокой музыкальностью, столь органически свойственной русскому народу, она протяжно поет грустные песни:

За морем синичка не пышно жила...

Заунывные напевы сменяются неожиданной веселой плясовой мелодией. В ней слышится неистребимая внутренняя сила многострадального крестьянства, которое пронесло сквозь невиданный гнет векового закрепощения свою неугасимую одаренность.

И в детской Пушкиных звенит и разливается веселый и задорный мотив о том, как по широкой столбовой дороге «шла девица за водой, за водою ключевой»...

Об этом песенном репертуаре няни свидетельствует знаменитая строфа Пушкина:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла...

В доме есть еще одна рассказчица – бабушка Ганнибал. Она происходила по матери из старинного рода Ржевских и, по свидетельству ее внучки, «дорожила этим родством и часто любила вспоминать былые времена». От нее маленький Пушкин услышал первые исторические анекдоты о XVIII веке, которые впоследствии так любил записывать. Она была близка и к обоим историческим Ганнибалам, пыталась даже смягчить суровый нрав Абрама Петровича и навсегда сохранила благодарную память о его старшем сыне – наваринском победителе.

Русская история целого столетия, военные события, интимный быт царей, Петр и императрицы, искатели и сподвижники – все проходило в ее рассказах сквозь события семейной хроники и биографии ближайших родственников.

В раннем детстве Пушкин учился у своей бабки русскому языку. Происходя из обедневшей дворянской семьи и не получив аристократического воспитания, она любила свою родную речь и научилась литературно владеть ею.

В конце 1804 года бабушка Ганнибал приобрела под Москвой, в Звенигородском округе, село Захарово. Оно находилось всего в двух верстах от большого поместья Вязёмы, богатого историческими воспоминаниями и старинными памятниками. Это была вотчина Бориса Годунова, а затем и загородный дворец Лжедмитрия, где останавливалась Марина Мнишек. Здесь задерживались послы и путешественники-иностранцы, следовавшие большой дорогой из Смоленска в Москву, сюда приезжал к своему воспитателю Борису Голицыну Петр I. Это оставило свой след в местных преданиях и народных песнях.

Пушкин-ребенок полюбил клены, тополя, водную гладь и тенистую рощу Захарова. Пейзаж средней полосы России здесь разнообразен и живописен. Именно в этих местах, по старой Можайской дороге, вскоре после Пушкина рос другой великий русский писатель – Герцен, оставивший восторженное воспоминание о лужайках и рощах западного Подмосковья: «Наши бесконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши; в нашей стелющейся природе что-то мирное, доверчивое, раскрытое... что-то такое, что поется в русской песне, что кровно отзывается в русском сердце».

Именно так воспринимал и Пушкин эти родные картины. Он любовно описал захаровский пейзаж в одном из своих лицейских посланий, а в 1819 году, находясь в Михайловском, выразил чудесными стихами свою глубокую любовь к русской природе, зародившуюся впервые в его любимом звенигородском селении:

Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

Но не все дышало идиллией в селе Захарове. Здесь Пушкин впервые увидел крепостное крестьянство, которое навсегда осталось предметом его встревоженных и возмущенных раздумий о тягостной судьбе «измученных рабов».

3

В эти ранние годы уже шло незаметно и первое литературное воспитание Пушкина. Он рос в доме, где господствовал всеобщий интерес к художественному слову, где поэзия считалась самым важным жизненным делом. «Если ты в родню, так ты литератор», – писал Пушкин в 1821 году своему брату. И сам он с первых лет увлекается песнями, сказками, стихами. «С таким же любопытством внимал он чтению басен и других стихотворений Дмитриева и родного дяди своего Василия Львовича Пушкина, – сообщал впоследствии Сергей Львович, – затвердил некоторые наизусть и радовал тем почтенного родственника, который советовал ему заниматься чтением наших поэтов, приятным для ума и сердца». Александр последовал этому совету.

В раннем детстве он проникается и совершенно необычным в этом возрасте интересом к личности писателя. В 1804 году Сергея Львовича посетил Карамзин, незадолго перед тем назначенный «историографом». В то время только начинала разгораться борьба с противниками его реформы русского языка. Только в 1803 году вышло столь нашумевшее сочинение адмирала А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге», в котором карамзинской литературной ориентации, якобы исходящей из симпатий к французской революции, противопоставлялась традиция церковнославянского языка, выражающего идеи православной церкви

и самодержавной власти. Филологическая проблема принимала острый политический характер, а возникающая литературная борьба «славянороссов» с карамзинистами получала выдающееся общественное значение.

Эта бурная лингвистическая дискуссия выдвинула Василия Львовича на передовые позиции боя. «Борьба карамзинской школы с шишковскою принадлежит к числу интереснейших движений в нашей литературе начала нынешнего века», – писал Н. Г. Чернышевский. «... Справедливость была на стороне партии Карамзина; и В. Л. Пушкиным, одним из ревностных приверженцев карамзинского направления, были сделаны две или три счастливые вылазки в стан противников».

Таким образом, тем для беседы Карамзина с Сергеем Львовичем было немало. Поднимаясь с кресел, выпрямляясь во весь свой крупный рост, историк ораторствовал:

С подъятыми перстами,
Со пламенем в очах,

– так описывал его Жуковский.

Это было необыкновенное зрелище, особенно для пятилетнего мальчика, безмолвно притаившегося в углу дивана, впившегося глазами в «живого писателя» и жадно вбиравшего в себя непонятные и чудесные речи. Быть может, взрослые уже успели шепнуть ему, что этот высокий человек с гулким голосом сложил певчую сказку об Илье Муромце, которую так полюбил этот маленький слушатель поэтов.

И вот снова лился поток слов, раздавались странные имена, звучали стихи. Раскрывался особый мир – не отроков с серебряными ножками и царевен со звездой во лбу, а замечательных живых людей, слагающих стихи и пишущих книги. Откуда-то возникало тревожное и смутное желание стать со временем таким же слагателем «красных вымыслов»...

Об этом сообщил нам Сергей Львович Пушкин, описав вечерний визит к нему Карамзина в 1804 году: «Во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз...»

Таковы были светлые впечатления Пушкина-ребенка: няня, бабушка, Никита, Кремль, Захарово, басни и песни, дворовые и поэты – все это питало его раннюю впечатлительность и незаметно подготавливало его будущее творчество.

Не будем преувеличивать горестей пушкинского детства. Сам поэт оставил нам неопровержимые свидетельства об отрадных явлениях своих ранних лет:

С какою тихою красотою
Минуты детства протекли,

– писал он по свежим воспоминаниям в 1817 году.

Но не будем скрывать и подлинных огорчений ребенка. Долгое время он не был любим своими родителями, не понимавшими задумчивой сосредоточенности их старшего сына. Надежда Осиповна не чувствовала призвания к домашним обязанностям и охотно перелагала их на свою хозяйственную мать. Как и муж ее, она отличалась пылким нравом и пристрастием к светской жизни. Но вопреки своей репутации экзотической красавицы мать Пушкина была настоящей русской женщиной. По деду своему она тоже принадлежала к историческому роду Пушкиных, по бабке – к боярской фамилии Ржевских, по отцу – к совершенно обрусевшему поколению Ганнибалов, служивших и отличавшихся в российской армии, флоте и администрации. Воспитателем ее был знаменитый победитель Порты, соратник славных русских полководцев и адмиралов XVIII века. Она никогда не разлучалась со своей матерью, столь любившей национальную старину и так мастерски владевшей простонародной русской речью. Она росла

со своим двоюродным братом Александром Юрьевичем Пушкиным, воспитанником сухопутного шляхетного корпуса, который рассказывал ей о славных военных преданиях России. Светское воспитание, сообщившее устному и эпистолярному стилю Надежды Осиповны модный налет французского классицизма, не оторвало ее от родной природы и русских людей, которыми она была окружена в деревне и столицах. Она любила подолгу жить в селе Михайловском. Разделяя литературные вкусы и занятия своего мужа, она постоянно общалась с первоклассными русскими писателями. Достойная хозяйка в литературном салоне Сергея Львовича, она любила вечера, домашние спектакли, декламацию, театр, общество музыкантов и художников. К этому кругу принадлежал и писатель Ксавье де Местр, который хорошо владел кистью и написал известный портрет Надежды Осиповны в модном жанре миниатюры – акварелью на слоновой кости, передав с замечательной живостью ее тонкие черты и умные глаза.

Но такая рассеянная светская жизнь, захватывая целиком молодую женщину, совершенно отрывала ее от детей и отнимала у них поэзию и счастье материнской ласки. Больше других это чувствовал нелюбимый Александр. Молчаливым укором памяти Надежды Осиповны остается отсутствие темы материнства в поэзии ее сына.

Но следует все же отметить и одну заслугу Надежды Осиповны в воспитании детей: по свидетельству ее дочери, страсть к французской литературе развивал в них не только отец, который «мастерски читывал им Мольера», но и мать, читавшая вслух Александру и Ольге занимательные парижские издания.

В детские годы наметилась и та отчужденность мальчика от отца, которой суждено было привести со временем к открытой розни. Молодой Пушкин, ставший поэтом-борцом, соратником и вдохновителем декабристов, настолько перерос камерную поэзию Сергея Львовича, что их взаимное внутреннее непонимание и внешний разрыв стали совершенно неизбежны. Но и в ранние годы неуловимый еще антагонизм гениального подростка с окружающими его средними и ограниченными людьми должен был вызвать обоюдную настороженность и отчуждение.

Своеобразный характер Сергея Львовича во всех его жизненных противоречиях мало располагал к душевной близости.

Это был человек весьма образованный и обходительный, страстный почитатель и выдающийся знаток французских классиков, едва ли не первый русский «мольерист», но при этом вспыльчивый, раздражительный, деспотичный, чересчур беспечный в делах, хотя и крайне бережливый. Рано возникшие поэтические интересы Сергея Львовича отвели его от официальной России и сблизили с лучшими представителями русской культуры. В молодости он отличался скромностью и застенчивостью, а в зрелые годы избегал шумной известности, предпочитая всему дружбу даровитых людей и занятие поэзией. Двадцати восьми лет, в чине штабс-капитана, Сергей Львович оставляет гвардию и удаляется из Петербурга в Москву, где занимает совершенно незначительный пост в очень скромном ведомстве. Он, несомненно, разделял презрение своего брата к тем бесчисленным российским душевладельцам, которые проводили свой век в курении табака, кормлении собак и сечении крестьян, как сатирически изображенный Василием Пушкиным помещик Перхуров. Широко бытовавший в этой среде безудержный «картеж», доводивший нередко до преступлений, был ему чужд. Он был свободен от крепостнического самодурства, погони за чинами, придворного благочестия. Знаток поэзии и театра, он обладал врожденной способностью писать и даже говорить стихами. Выдающаяся лингвистическая одаренность Сергея Львовича давала ему возможность с одинаковой непринужденностью рифмовать по-русски и по-французски. Он был мастером «стихов на случай» и охотно посвящал их друзьям и знакомым. В альбомах села Тригорского сохранилось множество его позднейших посвящений, посланий, приветствий, написанных нередко русскими стихами. Характерно его описание Михайловского:

Жилище мирное, услада дней моих,

И озеро, и лес, и сад, любимый мною...

Сохранилось и его посвящение сыну при поднесении ему на Новый год чернильницы, в котором автор с благоговением говорит о несравненном даровании и блестящей славе «любимого питомца муз». В 1837 году Сергей Львович подарил П. А. Осиповой портрет своего Александра, сопроводив подношение русскими стихами о своем отцовском горе. Именно он сохранил для потомства библиотеку своего сына и успел сообщить в печати краткие, но весьма ценные воспоминания о нем.

4

Любимейшим родственником подрастающего поэта был, несомненно, его дядя Василий Львович. В отличие от своего младшего брата это был человек исключительной незлобivosti. Своего старшего племянника, обделенного родительской любовью, он согрел своим сердечным вниманием и вдумчивым участием к его личности и судьбе. Он оказался первым воспитателем его таланта. Если бабушка Ганнибал учила родной речи, дядя Василий учил русскому стиху. «Парнасский мой отец!» – назовет его лицейский стихотворец, раскрывая почетное участие В. Л. Пушкина в своем творческом развитии.

Заметив одаренность мальчика, этот скромный литератор взял на себя его словесное воспитание и с честью выполнил ответственное задание. Следует признать, что он был вполне подготовлен к нему. Лирик небольшого дарования, он был прилежным работником в области стиха («Твой слог отменно чист, грамматика тебя угодником считает», – писал ему мастер поэтического слова Жуковский). Василий Львович занимался тщательной разработкой разнообразнейших поэтических жанров – посланий к друзьям, басен и сказок, сатирических поэм, эпиграмм, мадригалов, альбомных стихотворений, экспромтов, стихов на заданные рифмы. В ряду характерных бытовых черт старой Москвы Толстой упоминает в «Войне и мире» и «буриме Василия Пушкина». Наконец, как фольклорист, этот тонкий стиховед примыкал к целой плеяде поэтов XVIII века, разрабатывавших национальную старину и славянскую мифологию (Херасков, Державин, Богданович, Радищев).

Всеим этим В. Л. Пушкин и был ценен как «профессор поэзии». Он мог служить начинающему стихотворцу живым руководством по метрике, художественному синтаксису, теории словесности. Свою поэтику он выразил в стихе: «Я логике учусь и ясным быть желаю». Поклонник краткой, точной и меткой речи, Василий Львович развил в себе подлинное искусство афоризма, столь нужного в басне и в сатире. Он по праву заслужил похвалу «чертенка-племянника» за меткость и силу своего полемического удара. Юный эпиграмматист высоко оценит это поразительное умение своего дяди – «лоб угрюмый Шутовского *клеить единственным стихом!*».

Несомненную пользу принес он литературному новичку и своим «реалистическим» стилем: чуждый всякой мистике и фантастике, Василий Львович умел изображать жизнь, знал народную речь, был зорек к живописным типам и бойким нравам современной действительности. В «Опасном соседе» дан необыкновенно яркий очерк «низовой» Москвы, удалой тройки, пьяной компании, разгульного Буянова, который впоследствии был даже признан предшественником Ноздрева. Вся поэмка как бы предвещает «Чертогон» Лескова. Замечателен язык ямщика, кухарки, девицы в его простонародной силе или мещанской выделанности. Понятно восхищение этой поэмой Батюшкова и Пушкина.

Такие «натуральные» картинки и были подлинным призванием Василия Львовича, который мог бы широко развернуть свой дар бытописателя в атмосфере физиологических очерков сороковых годов. В начале же столетия ему пришлось идти проторенным путем модных лири-

ческих жанров, в которых не могла проявиться его подлинная зоркость к колоритному быту улицы, трактира, притона с их купцами, дьячками, кутилами, с их «чесноком и водкой».

Это было новое слово в поэзии, которое в обстановке «предромантизма» не могло еще утвердиться. Но автор «Монаха» высоко оценил этот смелый ход «дядюшки-поэта» и всегда гордился своим «двоюродным братом» Буяновым, которого вывел даже в своем любимейшем создании, среди уездных поклонников Татьяны.

Школа не прошла даром. В своих шуточных поэмах, эпиграммах и посланиях он следует методам и опытам Василия Львовича. Не изменяет юный поэт и вольномыслию своего наставника. Но едва ли не главной заслугой «учителя» была его проповедь четкого, меткого, верного слова, конкретного и «реального» образа, исключаящую всякую романтическую туманность или тягу к потустороннему. Школа Василия Львовича оказалась отличным противоядием всему таинственному, чудесному, божественному и сатанинскому, что нес с собою реакционный романтизм германского толка. Никакие соблазны и чары стиха Жуковского, у которого усердно учится юный Пушкин, не в силах заразить его этой «отрешенной» и «неземной» поэзией. Он всегда иронически сопротивляется ей. Поэт пишет о жизни для людей, он должен участвовать своим словом в их треволнениях и быть общепонятным и увлекательным – к этому стремился всегда Василий Львович, и этому он весьма успешно учил своего племянника. Заслуга его до сих пор остается незамеченной, но она поистине значительна. Автор «Опасного соседа» может разделять славу тех безвестных музыкантов-педагогов, из школы которых вышли великие композиторы и виртуозы. Он остается *первым* учителем Пушкина в поэзии – он поставил его голос. Мастера стиха Батюшков и Жуковский оказались неизмеримо сильнее и влиятельнее его, но они пришли позже.

В атмосфере таких разнородных и разноязычных впечатлений, но среди русской природы, архитектуры, басен и песен проходило детство Пушкина.

IV «В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ»

1

Настала пора подумать о серьезном обучении мальчика. Сергей Львович придавал несомненное значение проблеме воспитания, но разрешал ее несколько своеобразно. К новому поколению он применял принципы полученного им самим изысканного образования дворян екатерининского времени. К этому присоединялся, видимо, и личный опыт светской жизни и постоянных словесных развлечений. Началом и основой школы он считал знание европейских языков, особенно французского, которым владел мастерски и который так свободно подчинял игре своих каламбуров. Знание чужого языка считалось достигнутым лишь при усвоении литературных форм и даже поэтического стиля, почему изучение и строилось на чтении классических образцов – «Сида», «Андромахи», «Тартюфа», «Макбета», «Генриады». Отсюда убеждение, что высшим качеством преподавателя является его причастность к искусству – поэзии, музыке, красноречию, живописи. Достаточно известно, что сам Сергей Львович открыл такое литературное воспитание своих детей чтением им вслух своего любимого Мольера.

К сожалению, практика оказалась ниже намерения. Домашнее воспитание оставило навсегда отвращение к французским вокабулам и арифметике, но сообщило ребенку отличное знание иностранного языка и необычайную начитанность в поэзии. Этим он обязан своим родственникам в не меньшей степени, чем педагогам. Сергей Львович пошел, несомненно, правильным путем, приобщая детей с малолетства к литературе взрослых, широко раскрыв восьмилетнему мальчику свои книжные шкафы и разрешив ему постоянно присутствовать в кабинете и гостиной при беседах писателей. «Малый» поэт, каким был Сергей Львович, создал прекрасную умственную среду для воспитания великого поэта, каким оказался его сын.

Главную школу Пушкин проходил не в детской, а в приемных комнатах отца. Здесь он постоянно слушал стихи и с замечательной легкостью запоминал их. При такой системе воспитания роль педагогов значительно ослабляется. Разноязычные воспитательницы – немки, француженки, англичанки – особенного значения для его развития не имели. До нас дошли имена мисс Белли и фрау Лорж, преподававших языки маленьким Пушкиным. Ни английским, ни немецким Александр Сергеевич в детстве не овладел, но в конспекте своей автобиографии он впоследствии записал: «Первые неприятности – гувернантки».

Вскоре от этих докучных воспитательниц подросший Александр переходит на попечение учителя-француза. Первый гувернер Пушкина – граф Монфор, человек светского образования, музыкант и живописец. Его сменяет мосье Руссло, который преподавал мальчику, помимо своего родного языка, еще латынь и отличался, даже в семье Пушкиных, своими стихотворческими способностями. Очевидно, педагоги, приглашенные Сергеем Львовичем, не принадлежали к разряду случайных учителей, которых нередко поставляла в помещичьи семьи французская эмиграция.

Отечественную словесность преподавал подросткам Пушкиным священник Беликов. Это не был захудалый дьячок, обучавший грамоте недорослей XVIII века, но, в полном соответствии с общей культурой пушкинского дома, известный проповедник, даже писатель. Помимо родной речи, он преподавал детям арифметику и катехизис. Профессор двух институтов, он хорошо владел французским языком и издал в своем переводе проповеди Массильона.

Подлинная культура слова, так ярко сказавшаяся уже в первых стихах Пушкина, объясняется и его ранними чтениями. «Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца

пожирал книги одну за другой», – сообщал брат Пушкина. Превосходная библиотека Сергея Львовича имела первостепенное значение в умственном развитии его сына. Она состояла «из классиков французских и философов XVIII века», сообщает сестра поэта. Можно заключить, что сюда входили Рабле, Корнель, Расин, Мольер, Лафонтен, Буало, Лесаж, Вольтер, Бомарше, имена которых мы не раз встретим у Пушкина. Как было принято тогдашними библиофилами, Сергей Львович собирал и «моралистов», «публицистов»; мастерами философского жанра считались Гольбах, Гельвеций, Мабли, Монтескье, Дидро, Руссо, которых поэт отчасти назовет в своем послании «К вельможе»:

Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет...

В репертуаре чтений Евгения Онегина он продолжит этот список:

Прочел скептического Бея,
Прочел творенья Фонтенеля...

В посланиях Василия Львовича, столь связанного с братом личной дружбой и общими вкусами, названы также Кондильяк, автор знаменитого «Трактата об ощущениях», и Делиль («парнасский муравей» по известному стиху «Домика в Коломне»). Следует полагать, что в отцовской библиотеке Пушкин нашел образцы комических поэм и легкой поэзии «старой Франции». В стихах лицейского периода он назовет Лафара, Шолье, Грекура, Вержье. Особое значение имел Эварист Парни, автор «Эротических песен» и «Библейских похождений». Знал Пушкин и Клемана Маро. Из античных авторов, по свидетельству Ольги Сергеевны Павлищевой, брат ее уже девяти лет любил читать Плутарха – этого любимца республиканцев, которым вдохновлялся Шекспир и зачитывался юноша Бетховен. Пушкин увлекался и поэмами Гомера во французском переводе. Его знаменитое двустихие (1830) «На перевод Илиады» («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...») по истокам своим восходит к его детским чтениям.

Как указал И. И. Пущин, его друг-поэт проводил свои детские годы не только в отцовском доме, но «и у дяди, в кругу литераторов». Это означает, что Пушкин-подросток пользовался знаменитой библиотекой Василия Львовича, вывезенной им в 1803 году из чужих краев и, несомненно, пополненной обширным русским отделом. Двенадцатилетнего Пушкина влекло и в ценное книгохранилище Бутурлиных, где он любил «разглядывать затылки сафьяновых переплетов», рассматривать редкие гравюры и читать издания, отсутствовавшие в библиотеке его отца.

Наряду с образцами мировой литературы мальчик приобщался здесь и к отечественной классике. Имена русских поэтов, которые называет в своих посланиях Василий Львович, имеют несомненное значение и для суждения о ранней начитанности его гениального племянника. Это Ломоносов, Державин, Богданович, который воспел любовь в «поэме несравненной», наконец, новаторы языка и стиля – Карамзин и Дмитриев:

Вот чем все русские должны гордиться ныне!

Маленький Александр, несомненно, уже в детстве знал великих поэтов своей родины, без чего он не мог бы с такой неподражаемой легкостью овладеть в отроческие годы русским стихом. К детским впечатлениям восходит и его обширная начитанность в русской поэзии XVIII века, которая широко представлена в стихах лицейского периода. Книжные шкафы и литературный кружок Сергея Львовича сыграли первостепенную роль в этом приобщении его

сына к ценностям родного слова. В ранних стихах Пушкина мелькают имена Ломоносова, Державина, Фонвизина, Радищева, Крылова, Жуковского, Батюшкова. Примечательно, что товарищи-поэты уже весной 1812 года высоко оценили словесную культуру своего блестящего однокурсника, который жил «между лучшими стихотворцами и приобрел в поэзии много знаний и вкуса».

Но эрудиция его была гораздо шире. В лицей, на тринадцатом году жизни, он принес не только познания в мировой литературе, но и сложившиеся навыки мысли, перекликающейся с революционными и атеистическими течениями философии Просвещения. По отзывам благонамеренных лицейских педагогов, Пушкин был безнадежно «испорчен» домашним воспитанием. Закаленная смелой критической мыслью, его натура упорно сопротивлялась их религиозно-монархическим воздействиям.

2

Но над всеми антологиями и альманахами в доме Пушкиных не переставали звучать живые голоса поэтов. Здесь всегда раздавались стихи, то восхищавшие классической законченностью своих знаменитых изречений, то волнующие необычайной музыкальностью своих новых элегических ритмов. К поре отрочества Пушкина относится появление в литературной гостиной Сергея Львовича двух крупнейших поэтов молодого поколения: это были Жуковский и Батюшков. Вскоре поэт-лицеист признает их своими учителями.

В кругу молодых писателей Батюшков выделялся своим упорным трудом над стихом XVIII века, которому стремился придать новые живые интонации. Предпринятый им труднейший опыт начинал давать поразительные результаты. Слагался новый лирический стих с гибким и сильным ритмом, замечательно соответствующий обширным и глубоким задачам, стоящим перед национальной литературой. Уже первые стихи Батюшкова, по замечанию Белинского, «должны были поразить общее внимание, как предвестие скорого переворота в русской поэзии. Это еще не пушкинские стихи, но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских».

И вот они начинают звучать, эти первые пушкинские стихи, еще произнесенные детским голосом, но уже возвещающие будущую устремленность своего полета.

Три особенности поражают нас в первых опытах Пушкина: необыкновенно раннее пробуждение его творческого дара, исключительное разнообразие жанров, в которых «певец-ребенок» пробовал свои силы, уверенность и законченность его первых опытов. Вскоре сказалась еще одна черта, определившая все дальнейшее развитие его поэзии: неуклонное влечение к передовым воззрениям и ведущим политическим идеям эпохи. Но к этому Пушкин пришел уже в отроческие годы.

Его поэтическое сознание пробудилось на грани младенчества и детства «с первыми понятиями» (по свидетельству родных). Стихотворение 1816 года «Сон», в котором дана по свежей памяти яркая картина детских впечатлений от сказок няни, раскрывает во всей глубине неуловимый внутренний процесс первого возникновения творческих помыслов ребенка. Волшебные образы вызывают «крылатые мечты», рыцарские подвиги возбуждают желание славы: «и в вымыслах носился юный ум...».

Рано сказалась и разносторонняя одаренность будущего мастера слова: мальчик вскоре овладевает разнообразными жанрами и размерами, придавая различные интонации своему нарождающемуся стиху.

Одна из первых поэтических форм, прельстивших Пушкина, была, по свидетельству его сестры, басня. На это же указывал, как мы видели, и Сергей Львович. В начале XIX века пользовались известностью басни Дмитриева, который первый придал этому жанру «правильность, красоту и поэзию в слог». Рядом с ним называли и его последователя В. Л. Пушкина,

автора занимательных нравоучительных притч. С особой нежностью юный поэт назовет вскоре «Ванюшу Лафонтена». Он имел в детстве и собственный экземпляр басен Фенелона.

В доме записного театрала Сергея Львовича часто устраивались домашние спектакли. Кресла в гостиной расставлялись рядами, а ширмы превращались в кулисы. Сам хозяин-режиссер исполнял преимущественно роли мольеровского репертуара, в котором мог соперничать с лучшими любителями старой Москвы. Партер друзей не скрывал своего одобрения, дети словно замороженные следили за веселыми шутками сатирической комедии или народного фарса.

Один из первых театральных жанров, прельстивших Пушкина, назван его сестрой «маленькими комедиями». Они импровизировались на французском языке и явно вдохновлялись Мольером. К этому именно виду одноактных пьесок принадлежат «Смешные жеманницы», «Брак поневоле», «Мнимый рогоносец». Характерный признак этих коротеньких пьесок – анекдотичность сюжета, острота интриги, бойкая трактовка темы, радостная развязка. В центре обычно забавный обман или комическое недоразумение, порождающее ряд игривых положений.

Дошедшее до нас заглавие одной из ранних пьесок Пушкина свидетельствует о старинной комедийной традиции. «Escamoteur», собственно, не похититель, а скорее плут, пройдоха. Известно, какую огромную роль в композиции мольеровских комедий играет момент ловкого обмана. Возможно, что в своем раннем опыте маленький автор вдохновлялся «Плутнями Скапена», где эта тема разработана наиболее изобретательно и остро.

Творец «Тартюфа» привлекал пока своими веселыми интригами и комическими типами. Вскоре он будет воспринят как «Мольер-исполин», как поэт и мыслитель, выражающий в легких комедийных формах свою приверженность природе, разуму, освободительным идеям эпохи. Он оказался для Пушкина одной из самых живых связей с бунтарским духом французского Возрождения.

С первой комедией Пушкина связано его обращение к другому жанру – эпиграмме. Как известно, сестра Ольга освистала «Похитителя». Брат, по ее словам, не обиделся и сам на себя написал эпиграмму:

За что, скажи мне, «Ловкий вор»
Освистан зрителем партера?
Увы! за то, что стихотвор
Его похитил у Мольера¹.

В первых же сатирических опытах Пушкина, сохранившихся в памяти его сестры, уже ощущается его бесспорное призвание. Фраза складывается естественно, легко и живо, с изумительной сжатостью выражая остроумную мысль и сообщая всей строфе стремительность, точность и блеск. Пушкин-мальчик уже владеет образцовым эпиграмматическим стихом.

Эпические поэмы привлекают его и к новейшей литературе. «Лет десяти, – сообщает сестра поэта, – начитавшись «Генриады» Вольтера, написал он целую героико-комическую поэму в песнях шести под названием «Toliade», которой героем был карла царя-тунеядца Дагоберта, а содержанием – война между карлами и карлицами».

Темой своей эпической поэмы Вольтер выбирает время жестоких гражданских боев во Франции в XVI веке. Эта тема дает ему возможность выразить протест против церковной нетерпимости. Описания Варфоломеевской ночи и голода в Париже представляют собою исторические картины исключительной силы. Высокая социальная идейность «Генриады» – борьба

¹ Позволяем себе передать этот первый блестящий опыт эпиграммы Пушкина русскими стихами.

с религиозным фанатизмом, драматизм исторической темы, блеск и чистота стиля – все это обеспечило поэме широкое признание.

Десятилетний Пушкин мог запомнить классическое обращение Вольтера не к Музе, а к Правде: истина должна сообщить силу и свет его писаниям, приучить к своему голосу уши королей, выразить его пером страдания народа и обличать ошибки властителей.

Но мальчик не ставил себе непосильной задачи – создать творение в таком трудном жанре, как «Генриада». Сестра поэта правильно указывает, что он взялся за написание поэмы героин-комической, то есть принялся за пародию на героический эпос. Следует полагать, что в библиотеке Сергея Львовича среди других шуточных поэм XVIII века имелась и пародия французского поэта Монброна «Перелицованная Генриада»², которая и послужила маленькому Александру образцом для его «Толиады».

Раннюю поэму Пушкина постигла печальная участь. Гувернантка детей, недовольная тем, что Александр вместо уроков «занимается таким вздором», тайком завладела его тетрадкой и с соответствующей жалобой вручила ее гувернеру Шеделю. Прочитав первые стихи пародийной поэмы, француз бесцеремонно расхохотался.

Начинающий поэт почувствовал себя глубоко оскорбленным: рукопись его тайно похищена, над стихами грубо смеются. «Тогда, – рассказывает Ольга Сергеевна, – маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку». Казалось бы, обычный случай из быта детской, и все же это первый удар в творческой биографии Пушкина: самовольное распоряжение его рукописью, глумление над ней и в результате – сожжение автором заветной тетради в виде протеста против возмущившего его непонимания и насилия.

3

Уже в отчем доме происходит заметный внутренний перелом подростка – смена первоначальных наивных представлений живым и вдумчивым восприятием «всех впечатлений бытия». К 1806 году от неповоротливости и молчаливости ранних лет не остается и следа. По позднему свидетельству его отца, мальчик «оказывал большие успехи в науках и языках и, еще в ребячестве, отличался пылким нравом, необыкновенной памятью и, в особенности, наблюдательным не по годам умом».

К этому переломному времени относится и знаменательная запись в автобиографической программе Пушкина: *ранняя любовь*. Об этом событии с теплом и увлечением вспоминал поэт в лицейских стихах 1815 года:

Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.

Фамилия в этих стихах проставлена исследователями Пушкина – сам он скрыл ее под тремя звездочками. Но это, несомненно, Софья Николаевна Сушкова, дочь литератора, в семье которого часто бывал «маленький Пушкин». Она родилась в 1800 году (скончалась в 1848). Впечатление от этого детского увлечения вскоре заслонилось другими, более сильными

² Monbrón. Henriade travestie.

и яркими, породившими знаменитые элегии и послания. И все же «друг сердца, милая Сушкова» запомнилась навсегда (программа записок составлялась в тридцатые годы); эта московская девочка, о которой мы знаем так мало, была первой вдохновительницей интимной лирики Пушкина, в будущем великого «певца любви, певца своей печали». В душевной биографии Пушкина встреча на детских балах с маленькой Соней Сушковой остается памятной датой.

Новый опыт жизни расширяет духовный горизонт. Чтения и диспуты развивают мысль подростка. Он начинает понимать, что литература не просто мирное сплетение рифм, а непрерывная борьба, столкновение мнений, нападение и защита. Сильные поэтические образы могут вооружать к битве, а меткий стих убивает противника. Об этом говорили друзья Карамзина, с насмешкой и презрением отзываясь о своих антагонистах – Шишкове, Хвостове, Шаховском. Жизнь литературы напоминает войну, и, чтобы победить, необходимо дружно идти в ногу с армией единомышленников, осыпая противника всеми стрелами сатирической полемики.

Из родного дома Пушкин вынес богатые речевые впечатления. Бабка Ганнибал славилась замечательным знанием русского языка, а по сложным обстоятельствам своей личной жизни могла обогащать свои рассказы о прошлом рядом терминов официального слога XVIII века, военного и морского лексикона, особыми словечками провинциального просторечия и вычурным «штилем» старинной приказной волокиты. Нянюшки, дядьки, дворовые, крепостные – все эти суйдинские, кобринские, болдинские, захаровские уроженцы – не переставали рассыпать в своих разговорах, песнях и сказках обильную и драгоценную россыпь живого народного слова. Проповедник Беликов приводил на своих уроках архаические славянские тексты. Рядом с торжественными классическими стихами здесь раздавались напевы Жуковского и Батюшкова. Плавные монологи трагиков, вольные размеры басен, легкие строфы «мимолетной поэзии», прихотливые рифмы народных песен – все это постоянно звучало и пело в доме, где рос Александр Пушкин. В культурных, в собственно поэтических и чисто словесных впечатлениях у него не было недостатка.

И все же отроческие годы оставили у Пушкина мало отрадных воспоминаний. Недоставало душевного внимания к своеобразной внутренней жизни подростка. До сих пор невыясненные обстоятельства рано вызвали охлаждение родителей к старшему сыну, столь контрастирующее с их обожанием младшего – Льва (родился в 1805 году). Впоследствии хорошо осведомленные о всех обстоятельствах жизни Пушкина, его начальники по Коллегии иностранных дел сообщали в официальном документе: «Исполненный горестей в продолжение всего своего детства, молодой Пушкин покинул родительский дом, не испытывая сожаления. Его сердце, лишенное всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремление к независимости...» Есть основание полагать, что этот отзыв был подсказан Карамзиным, пытавшимся в то время смягчить участь ссылаемого поэта. Немного позже знавший членов семьи и личных друзей поэта Анненков уверенно сообщал, что до самого 1815 года родные смотрели подозрительно на творческие занятия Александра: «Поэзия молодого Пушкина казалась шалостью в глазах близких ему людей и встречала постоянное осуждение».

Внимание и оценку он встречал у посторонних, подмечавших в начинающем поэте черты необычайной одаренности. Замечательный педагог Реми Жиле как-то обратил внимание на сына Сергея Львовича, жадно слушавшего салонных поэтов и ораторов: «Чудное дитя! Как он рано все начал понимать».

Такая оценка свидетельствует о том теплом внимании к детской личности, которого Пушкин не встречал со стороны своих родителей. Детство его, как и вся последующая жизнь, не дало ему спокойных и прочных радостей. Рано возникли тревоги и запросы выдающейся творческой натуры, смутно томившие душу и не встречавшие отклика. Непонимание и одиночество были его уделом уже в родительском доме.

Но отсюда же он вынес и свои первые влечения к свободе. В отцовской библиотеке он познакомился с лучшими образцами русской и мировой поэзии и незаметно воспринял скеп-

тическую мысль старинного «вольнодумства». У старших он не встречал задержек свободному развитию этих новых смелых идей о природе и обществе. Сторонники передового литературного движения, ценители логики и муз, питомцы Просвещения, они создали благоприятную атмосферу для развития начинающего поэта. От них услышал он имена Вольтера и Радищева, навсегда завоевавшие его сердце.

Вот почему из отцовского дома Пушкин вышел свободным от какого-либо преклонения перед «алтарем» и «троном». «Страстное стремление к независимости» уже в детстве становится основной чертой его характера.

V ОТКРЫТИЕ ЛИЦЕЯ

1

Вопрос об определении Пушкина в учебное заведение выяснился сравнительно поздно, когда будущему поэту шел уже тринадцатый год. Сергей Львович первоначально остановил свое внимание на петербургском коллегииуме иезуитов. Но в начале января 1811 года было опубликовано правительственное постановление о новооткрывающемся учебном заведении – Царскосельском лицее. Это в корне видоизменило воспитательные планы Сергея Львовича.

В своей организации и деятельности лицей отражал основные черты правления и личности Александра I, которого Пушкин впоследствии не раз заклеял своим сатирическим стихом за его двоедушие, «двуязычье» и «противочувствия». Этот «арлекин», по меткому выражению поэта, то есть шут в лоскутном и пестром одеянии, всегда стремился в своей политике балансировать на крайностях, пользоваться советниками противоположных убеждений и в результате демонстрировать новейшие передовые идеи при неуклонном усилении своей самодержавной власти. Так строилась и его «просветительная» система, проводившая под покровом либеральных фраз борьбу с «разночинцами и смердами». Все это вызывало глухой протест в передовых кругах русского общества.

Тем эффективнее следовало обставить задуманный при дворе своеобразный династический университет для подрастающих царских братьев (Николая и Константина), где в условиях общей школы великие князья, окруженные знатными сверстниками, слушали бы публичные лекции знаменитых профессоров. Лагарпов «Лицей», или «Курс древних и новых литератур», должен был перевоплотиться в царскосельском павильоне екатерининского дворца в аристократический институт высшего типа.

Учреждение лицея преследовало важные политические цели и ставило себе основной задачей воспитать новое поколение русских людей в духе, враждебном идеям французской революции. Но в обсуждении проекта нового учебного заведения приняли участие, согласно испытанному методу царя, два советника противоположных направлений: один из самых передовых деятелей александровского правительства Сперанский и мрачнейший реакционер Жозеф де Местр. Первый стремился распространить на лицей постановления учебных уставов 1804 года о всесословности учащихся, равных перед кафедрой учителя. Второй отстаивал в своих письмах к министру народного просвещения Разумовскому принципы иезуитского воспитания, предназначенного для высшей знати и основанного на монашеском послушании и взаимных доносах с целью выработки всепослушного слуги алтаря и трона.

Оба направления скрестились в уставах и программах лицея и вскоре отразились в его пестром быту и эклектическом преподавании. Но любимец царя Сперанский уже с лета 1811 года находился в фактической опале, а мистицизм царя, укрепившийся летом 1812 года, сказался на усилении религиозно-нравственных и иезуитски-полицейских принципов в управлении лицеем. Равновесие явно нарушилось, но двуликий александровский стиль все же устоял в необычайном сочетании лицейского вольномыслия с теориями «божественного откровения» и тираноборческих призывов политической кафедры со шпионской деятельностью обскурантов-надзирателей.

Скроенный из таких противоречий лицей мог легко превратиться в реакционнейший монархический институт. Но этого не случилось. Более того, произошло обратное. Жизнь с ее неуклонным стремлением размывать своими бурными «вешними водами» всяческий застой

опрокинула этот проект заповедного питомника царских министров. Среди профессоров оказался передовой мыслитель, декабрист по убеждениям, друг Николая Тургенева – Куницын; среди воспитанников – будущий великий поэт, «пророк свободы» Пушкин; а рядом с ним вырастал и его «друг бесценный», вскоре один из отважных борцов на Сенатской площади 14 декабря, приобщивший к революционному движению Рылеева, – Иван Пущин. Эти три имени определили подлинную умственную жизнь лицея. Новые идеи опровергли все предначертания его учредителей и преобразили их мрачный монастырь в вольное братство молодой мысли и освободительных стремлений, из которого вышли лучшие люди поколения, ставшие величайшей честью своей родины.

Так учреждался «пушкинский» лицей. Обнародованное 11 января 1811 года постановление о новой школе ставило ее под особое покровительство царя, в непосредственное ведение министра народного просвещения; задачей нового учреждения объявлялось образование юношества, «особенно предназначенного к важным частям службы государственной». В программах отсутствовало естествознание, но наряду с науками историческими и «нравственными» видное место уделялось изучению языков и «первоначальным основаниям изящных письмен».

Важнейшим условием для осуществления намеченной программы являлась, естественно, личность директора будущего лицея. На этот пост был выдвинут В. Ф. Малиновский, выполнявший до тех пор скромные обязанности в архивах и консульствах. Он оказался кандидатом влиятельной группы петербургских «мартинистов», занимавших видные государственные должности и пользовавшихся доверием царя. В то время эти высокопоставленные мистики вели активную политику и старались проводить на ответственные посты близких им людей. Сам Малиновский в молодости был причастен к легальному «либерализму», что не мешало ему мечтать об организации в России библейского общества и много писать на «божественные» темы. В 1803 году он издавал еженедельные листки «Осенние вечера», в которых трактовал вопросы политики с религиозной точки зрения, предвзято основы будущего Священного союза. Все это подготовляло особую атмосферу лицейского преподавания, с которой пришлось вскоре вступить в борьбу наиболее передовым воспитанникам.

2

Месяца через полтора после появления публикации о лицее Сергей Львович подает соответствующее прошение министру народного просвещения и вскоре получает извещение о разрешении его сыну подвергнуться вступительным испытаниям.

Как раз к этому моменту обострилась борьба литературных партий, и активные выступления Василия Львовича потребовали его поездки в Петербург. Предстоящее путешествие попутно разрешало и вопрос о доставке на лицейский экзамен Александра. Дядя Василий брал его с собой.

В Петербурге В. Л. Пушкин вошел в литературный кружок прежнего баснописца, а теперь министра юстиции Дмитриева. Василий Львович бывал здесь нередко в сопровождении своего юного племянника. Здесь выступали «очистители языка» и воинствующие сторонники нового слова Блудов и Дашков. В их увлекательные дискуссии много знаний и метких наблюдений вносил третий завсегдатай Дмитриева – Александр Тургенев, такой же противник шишковской славяницы. По своему служебному положению в министерстве народного просвещения этот старинный друг Сергея Львовича много содействовал поступлению его сына в открывающийся лицей.

12 августа «недоросль Александр Пушкин» был доставлен на Фонтанку в обширный дом министра народного просвещения Разумовского. Пушкин отвечал по русской и французской грамматике, арифметике и физике, истории и географии, получив отметки «очень хорошо»,

«хорошо» и «имеет сведения»; высшего балла «весьма хорошо» он не удостоился, но зато и не получил отметки «преслабо», как некоторые другие кандидаты.

Открытие лицея состоялось в четверг 19 октября 1811 года. В полном согласии с правилами де Местра родители учеников не были допущены на торжества, зато были приглашены члены Государственного совета и «Святейшего синода». Царская семья прибыла во главе с Александром I. Начальство старалось подчеркнуть государственный характер новой школы, ее неразрывную связь с главой верховной власти и высшим органом церковного управления. Весьма знаменательным было отсутствие на торжестве Сперанского и присутствие его соперника Аракчеева, который вскоре начнет оказывать на лицей свое тяжелое давление.

Присутствуя на празднике, Пушкин впервые ощутил тот глубоко чуждый ему казенный штамп, к которому навсегда сохранил самую искреннюю и глубокую неприязнь.

Великолепный и пышный дворец Растрелли соединялся крытой галереей с прекрасным домом простого и строгого стиля, отведенным под лицей. Это был так называемый «новый флигель», отстроенный для внушек Екатерины по проекту архитектора Ильи Неелова и перестроенный для нужд лицея выдающимся русским зодчим В. П. Стасовым.

После торжественного богослужения открылась в конференц-зале светская часть праздника. Прочитанные здесь официальные документы и приветствия весьма мало соответствовали литературным вкусам Пушкина. Его новые наставники изъясняли свои мысли тем устарелым, напыщенным церковнославянским языком, который был так решительно отвергнут передовой поэтической школой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.